

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК: 330.8
JEL: B19; B31; B11; A13

Чэнь Хуаньчжан и его роль в изучении истории китайской экономической мысли на Западе в начале XX века

О. Н. Борох

Институт Дальнего Востока Российской Академии наук,
Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский пр., 32

Для цитирования: Борох О. Н. (2020) Чэнь Хуаньчжан и его роль в изучении истории китайской экономической мысли на Западе в начале XX века. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 36. Вып. 3. С. 514–540. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.307>

В статье исследуется опыт ознакомления западной научной аудитории с традиционными китайскими экономическими идеями на примере книги Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» (1911 г.). Он стал первым китайцем, ставшим интеллектуальным посредником в распространении на Западе знаний о китайской экономической мысли на фоне преобладания в то время усилий по освоению в Китае достижений зарубежной экономической науки. Выступавший с позиций конфуцианства автор уникальным образом сочетал классическое китайское и американское экономическое образование, что позволило ему соединить глубокое знание китайской традиции с владением основами западной методологии. С привлечением малоизвестных первоисточников в статье проанализированы особенности структуры и экономической терминологии работы Чэнь Хуаньчжана, приоритетное внимание уделено его истолкованию соотношения производства и потребления с опорой на древнекитайскую классику. Продемонстрировано, что ученый стремился выработать соответствующую запросам экономического развития и задаче унаследования традиционных моральных норм обновленную трактовку потребления, нацеленную на регулирование человеческих желаний. Оценка влияния книги на западные научные круги опирается на исследование рецензий, опубликованных в начале 1910-х гг. (автором одной из них был Дж. М. Кейнс). В первой половине XX в. труд Чэнь Хуаньчжана служил для западных ученых важным источником информации о китайской экономической мысли. В статье выявлены причины заметного роста интереса к работе Чэнь Хуань-

чжана в КНР после длительного забвения. В начале XXI в. опыт интерпретации традиционных экономических идей с помощью западных методов оказался востребованным при создании «общественных наук с китайской спецификой» и продвижении их достижений во внешний мир.

Ключевые слова: Китай, Запад, экономическая наука, конфуцианство, китайская экономическая терминология, производство, потребление, человеческие желания, экономическое развитие, общественные науки с китайской спецификой.

Введение

Заметное увеличение присутствия Китая в мировой экономике стимулирует интерес зарубежных исследователей к теории и практике китайских реформ. Одновременно с этим внутри Китая разворачивается менее заметный для иностранных наблюдателей процесс концентрации интеллектуальных и организационных ресурсов для повышения глобального влияния китайских исследований в области философии и общественных наук.

В КНР придают особое значение историческому опыту воздействия китайской экономической мысли на западную экономическую науку. Давней и достаточно хорошо известной является тема влияния во второй половине XVIII в. традиционных китайских идей на французских физиократов, и через них — на А. Смита. Сформировалась гипотеза, позволявшая китайским ученым утверждать, что китайская мысль стала одним из источников создания классической политэкономии [Tan Min, 2014].

В XIX в. интерес иностранцев к китайской экономической мысли начал угасать. Основным направлением межкультурного взаимодействия стало перемещение теорий с Запада на Восток. В начале XX в. расширение научных контактов между Китаем и внешним миром создало новые возможности для продвижения китайских традиционных концепций среди зарубежной аудитории. Уникальную роль в развитии взаимодействия Китая и Запада в области экономических идей сыграл Чэнь Хуаньчжан, опубликовавший в 1911 г. в США первое научное исследование древнекитайской экономической мысли на английском языке «Экономические принципы Конфуция и его школы» [Chen Huan-chang, 1911].

Чэнь Хуаньчжан (1880–1933) родился в провинции Гуандун, в детстве получил традиционное китайское образование и уже в возрасте 14 лет удостоился низшей ученой степени сюцай. В 1903 г. он сдал экзамен на вторую степень цзюйжэнь, а в 1904 г. по результатам экзамена стал обладателем высшей степени цзиньши. Это была последняя группа получателей степени цзиньши в истории Китая. По итогам особого экзамена по государственному управлению, введенного после «ста дней реформ» 1898 г., Чэнь Хуаньчжан был зачислен в придворную Академию Ханьлинь. В 1905 г. в качестве члена Академии его направили на учебу в США. Он изучал английский язык в колледже Кеука, а через два года поступил в Колумбийский университет, где в 1911 г. защитил докторскую диссертацию по экономике [Li Chaomin, 2001, p. 130]. На титульном листе изданной в Америке книги Чэнь Хуаньчжан указал наличие двух ученых степеней: PhD и цзиньши с указанием года ее присуждения — «2455 г. со дня рождения Конфуция (1904 г. н.э.)» [Chen Huan-chang, 1911]. После возвращения в Китай в 1912 г. Чэнь Хуаньчжан участвовал в создании Обще-

ства религии Конфуция, ставившего целью сделать конфуцианство государственной религией [Han Hua, 2002, p. 189–205; Zou Jinwen, 2016, p. 534–535].

В первой половине XX в. диссертация Чэнь Хуаньчжана была единственной научной работой об экономической мысли Древнего Китая, доступной для западной аудитории. Рецензию на нее написал Дж. М. Кейнс [Keynes, 1912]. Об этом труде упоминал Й. Шумпетер в «Истории экономического анализа» [Schumpeter, 2001, p. 64]. В примечаниях к книге «Религия Китая. Конфуцианство и даосизм» М. Вебер охарактеризовал монографию Чэнь Хуаньчжана как «представление конфуцианской доктрины с точки зрения современной партии реформ Кан Ювэя» [Weber, 1964, p. 251]. П. Сорокин использовал труд Чэнь Хуаньчжана в качестве источника материалов о Китае [Sorokin, 2006, p. 1037]. Министр сельского хозяйства (1933–1940 гг.) и вице-президент США (1941–1945 гг.) в администрации Ф. Рузвельта Г. Уоллес опирался на почерпнутые у Чэнь Хуаньчжана сведения при разработке аграрной политики США в годы «великой депрессии» и Второй мировой войны [Bodde, 1946; Li Chaomin, 2014].

Во второй половине XX в. по мере появления более современных исследований влияние работы Чэнь Хуаньчжана стало постепенно уменьшаться, хотя интерес к ней сохранился. Монографию неоднократно переиздавали в США (в 1930, 1973, 1974, 2002, 2003, 2006, 2014, 2018 и др.), в 2010 г. ее опубликовали в Японии под названием «Экономические принципы конфуцианства». Авторитетный исследователь истории китайской экономической мысли Цзоу Цзиньвэнь (Чжуннаньский университет финансов, экономики, политики и права, г. Ухань) предположил, что среди трудов китайских авторов по экономической теории у этой книги было наибольшее число переизданий на иностранном языке [Zou Jinwen, 2016, p. 536].

На протяжении минувшего столетия о Чэнь Хуаньчжане как экономисте в Китае не вспоминали [Wu Baosan, 2014, p. 47]. Лишь в 1999 г. в КНР появилась первая научная статья, призывавшая обратиться к наследию Чэнь Хуаньчжана в области исследования древнекитайской экономической мысли [Han Hua, 1999].

С тех пор ситуация разительно изменилась. В начале XXI в. Чэнь Хуаньчжан обрел известность в Китае как исследователь и пропагандист традиционных экономических идей. В 2005 г. его книга была издана в КНР на английском языке. Внезапно возникший интерес к этой работе оказался настолько большим, что в течение двух лет были опубликованы три ее перевода на китайский язык [Chen Huanzhang, 2009a; 2009b; Chen Huanzhang, 2010]. В 2015 г. «Экономические принципы Конфуция и его школы» вышли в авторитетном издательстве «Шаньгу иньшугуань» в серии «Известные научные труды Китая Нового времени» как на языке оригинала [Chen Huan-Chang, 2015a], так и в китайском переводе [Chen Huanzhang, 2015b].

На китайском языке «Экономические принципы Конфуция и его школы» стали доступны без малого через столетие после публикации в США. Появление книги в научном обороте сопровождалось многочисленными позитивными откликами. По мнению влиятельного исследователя истории китайской экономической мысли Е Тань (Институт экономики Китайской академии общественных наук), работа Чэнь Хуаньчжана стала «первым шагом выхода в мир китайской экономической науки» [Ye Tan, 2010]. Цзоу Цзиньвэнь характеризовал книгу как «первое известное произведение по экономической науке, изданное китайцем на Западе» [Zou Jinwen, 2012]. В других рецензиях отмечалось, что Чэнь Хуаньчжан был первым китайцем,

«на западном языке представившим миру экономические идеи конфуцианства» [Han Hua, 2016]. Он «умело соединил западные научные стандарты со стремлением к общественным идеалам конфуцианства», а его книга позволила «восполнить недостатки западной экономической науки» [Han Xing, 2010]. Подробное изложение основных положений труда Чэнь Хуаньчжана вошло в обзорное исследование экономических диссертаций китайских докторантов, защищенных на Западе в конце эпохи Цин и в республиканский период [Zou Jinwen, 2016, p. 534–556].

Наследие Чэнь Хуаньчжана оказалось созвучным современным поискам конфуцианских корней китайской экономической мысли. В 2016 г. директор Института экономики Тяньцзэ Шэн Хун издал книгу «Объяснение конфуцианства с помощью экономической науки» [Sheng Hong, 2016]. Ее восприняли как продолжение заложенной Чэнь Хуаньчжаном традиции изложения конфуцианских принципов в рамках экономической науки [Yao Zhongqiu, 2016]. Шэн Хун объяснял замысел своей книги желанием сделать конфуцианские идеи более доступными для современных китайских студентов, которые лучше понимают язык экономической теории, чем язык традиционного конфуцианства. Чэнь Хуаньчжан хотел познакомить с экономическими принципами Конфуция зарубежную научную общественность. Две работы объединяет попытка под новым углом зрения посмотреть на конфуцианское учение в интересах его пропаганды среди новой аудитории.

Китайские и зарубежные исследователи воспринимают Чэнь Хуаньчжана прежде всего как сторонника утверждения в Китае религии конфуцианства. На русском языке опубликованы статьи о Чэнь Хуаньчжане как продолжателе дела китайского реформатора Кан Ювэя [Martynov, 2016; Martynov, Tkachenko, 2016]; краткое упоминание о деятельности ученого в качестве интерпретатора древнекитайской экономической мысли содержит неточности¹.

Вклад Чэнь Хуаньчжана в исследование китайской экономической мысли оценил В. М. Штейн, заведовавший Дальневосточным кабинетом Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Он указал, что «почин изучения истории экономических идей древнего Китая, с обращением к первоисточникам, принадлежал китайским ученым». Штейн также выделил два существенных недостатка книги Чэнь Хуаньчжана — это, «с одной стороны, модернизация древнекитайских идеологий, и с другой — догматическое, а не историческое отношение к конфуцианству, граничащее с апологетикой» [Shtein, 1959, p. 13].

Штейн поставил в заслугу Чэнь Хуаньчжану самую раннюю попытку воспроизвести экономические воззрения древнего трактата «Гуань-цзы», в ходе которой удалось «довольно удачно передать сущность экономического учения “Гуань-цзы” в очень краткой первоначальной формуле — “политика контроля со стороны государства над спросом и предложением”» [Shtein, 1959, p. 14]. Однако Штейн, обращаясь к книге Чэнь Хуаньчжана, исходил из потребностей собственного исследования трактата «Гуань-цзы» и не ставил своей задачей изучение других аспектов диссертации.

¹ Китайский термин «лициай» 理財 (упорядочение богатства) переведен как «финансы», хотя в системе воззрений Чэнь Хуаньчжана он обозначает экономическую науку в целом. Идея «выхода китайской экономической науки на мировую арену» передана как «открытие китайской экономики миру», изложенные Чэнь Хуаньчжаном идеи Сюнь-цзы приписаны Т. Мальтусу [Martynov, Tkachenko, 2016, p. 256, 264].

Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать основные методологические и мировоззренческие подходы Чэнь Хуаньчжана к разработке обновленной интерпретации древнекитайских экономических идей, оценить место книги «Экономические принципы Конфуция и его школы» в ознакомлении Запада с историей китайской экономической мысли.

Изучение наследия Чэнь Хуаньчжана как экономиста связано с особой ролью ученого в межкультурном взаимодействии Китая и Запада.

Во-первых, опыт распространения китайского интеллектуального влияния в XVII–XIX вв. опирался на западных посредников. Это были миссионеры, путешественники, ученые, которые истолковывали Китай для иностранной аудитории. Чэнь Хуаньчжан создал самостоятельную трактовку китайской экономической мысли с опорой на глубокое знание национальной культуры. В отличие от зарубежных синологов, его взгляд на китайскую традицию был сформирован китайской образовательной системой, а соответствие его знаний нормативным стандартам подтверждалось сдачей государственных экзаменов.

Во-вторых, Чэнь Хуаньчжан придал двухстороннюю направленность взаимодействию между Китаем и Западом в области экономической мысли. Знакомство Китая с западной экономической теорией началось в конце XIX в. усилиями иностранных миссионеров, первый китайский перевод «Богатства народов» А. Смита, выполненный мыслителем и переводчиком Янь Фу, вышел в свет 1902 г. С появлением в 1911 г. книги «Экономические принципы Конфуция и его школы» распространение экономических идей перестало носить односторонний характер.

В-третьих, использование устоявшейся экономической терминологии на английском языке позволило Чэнь Хуаньчжану создать работу, доступную для понимания зарубежного читателя. В то время подготовить фундаментальный труд на китайском языке было затруднительно из-за отсутствия полноценного терминологического аппарата, формирование которого завершилось лишь в 1930-е гг. По этой причине современный перевод книги Чэнь Хуаньчжана с английского на китайский язык имеет более строгий и научный облик, чем экономические труды его эпохи, написанные на китайском языке в период терминологической неопределенности.

Изучение экономических воззрений Чэнь Хуаньчжана опирается в статье на первоисточники, в том числе и на китайском языке [Chen Huanzhang, 2009c]. Были проанализированы рецензии на «Экономические принципы Конфуция и его школы», опубликованные современниками в западных журналах (США, Франция) и в англоязычных китайских изданиях. Изучение оценок книги Чэнь Хуаньчжана в работах ученых КНР начала XXI в. позволило реконструировать современный контекст ее восприятия.

Исследование призвано подтвердить предположение о том, что книга Чэнь Хуаньчжана обрела в Китае новую практическую актуальность на фоне современных тенденций в развитии общественных наук. Ученый продемонстрировал уверенность в прочности и целостности системы традиционных китайских экономических воззрений, желание рассказать о них внешнему миру и способность использовать для этого западные методы и концепции. Все это соответствует нынешним устремлениям китайского научного сообщества к позитивному утверждению национальной специфики как преимущества китайской экономической науки и к ознакомлению зарубежной аудитории с ее достижениями.

Статья является первым за пределами КНР исследованием, в котором раскрыт вклад Чэнь Хуаньчжана в изучение и систематизацию древнекитайской экономической мысли. В первой части представлена комплексная характеристика диссертации Чэнь Хуаньчжана, выявлены особенности ее структуры и терминологии. Во второй части рассматривается новаторский подход Чэнь Хуаньчжана к проблеме потребления. Тема совмещения потребительской активности в интересах экономического развития с регламентацией потребления и его подчинением верховенству моральных норм актуальна для современного Китая. В третьей части статьи проанализированы ключевые выводы Чэнь Хуаньчжана. В четвертой части обобщены рецензии на книгу Чэнь Хуаньчжана в периодических изданиях начала XX в., показана степень ее влияния на экономическую политику. В заключении дана оценка теоретического наследия Чэнь Хуаньчжана в контексте современных тенденций развития общественных наук КНР.

1. Структура и теоретические особенности работы Чэнь Хуаньчжана

Книгу Чэнь Хуаньчжана «Экономические принципы Конфуция и его школы» открывает раздел общей теории, который включает главы о Конфуции и его школе, отношениях экономической науки с другими науками, общих экономических принципах. Отдельный раздел посвящен потреблению. Раздел о производстве включает главы о факторах производства, отраслях производства, распределении и экономической политике, «имеющей социалистический характер». Далее следуют раздел об общественных финансах и заключение. Структура работы показывает, что автор анализировал китайскую экономическую мысль с опорой на мировую экономическую науку.

В предисловии Чэнь Хуаньчжан отмечал, что с большой осторожностью относился к включению идей современных западных экономистов в объяснение древних китайских текстов. Чтобы избежать ошибок, он стремился в максимальной степени опираться на древние первоисточники [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 9–10]. Ученый следовал за китайскими текстами, но излагал их содержание по западным методологическим стандартам, что привело к модернизации структуры и формы подачи традиционного материала. Переводчики книги на китайский язык Ди Юйчжун и Лу Шоуюнь отметили, что она «была нова для западных ученых начала XX в. и также нова для китайских ученых начала XXI в.» [Di Yuzhong, Lu Shouyun, 2009, p. 1].

В книге присутствуют сопоставления учения Конфуция с идеями основоположников западной экономической науки, которые Чэнь Хуаньчжан проводил, исходя из предпосылки верховенства добродетели. Ученый назвал общепризнанным тезис о тождестве приносящей людям процветание справедливости и выгоды. Он пояснил, что конфуцианцы мало говорили о выгоде, поскольку человеческая природа эгоистична, люди от рождения стремятся к прибыли, и учить их этому не было нужды. По данной причине Конфуций использовал слово «справедливость» как замену слова «выгода» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 101–102].

Иностранное подтверждение указанной мысли Чэнь Хуаньчжан нашел в «Лекциях по юриспруденции» А. Смиита, утверждавшего, что наиболее полезные для

общества принципы человеческого разума не являются самыми возвышенными. Голод, жажда и тяга к противоположному полу вызывают презрение; сходным образом не выглядит привлекательной склонность к торгу и обмену, выступающая основой торговли и разделения труда. По мнению Смита, эти принципы настолько укоренены от рождения, что не нуждаются в той дополнительной поддержке, которая требуется, к примеру, принципу великодушия [Smith, 1896, p. 232].

Экономические идеи «Богатства народов» остались за рамками исследования Чэнь Хуаньчжана, предпочитавшего искать в данной книге сопоставимые с китайской традицией рассуждения о морали. В частности, он привел мысль Смита о том, что отношения подчинения между людьми могут быть обусловлены превосходством человека по личным качествам, по возрасту, богатству или происхождению [Smith, 2007, p. 666–668]. Конфуцианский мудрец Мэн-цзы придерживался сходных воззрений, обобщая качества человека как добродетель и характеризуя знатность как сочетание богатства и происхождения. Однако, по признанию китайского исследователя, на этом сходство заканчивается, поскольку у Смита при формировании отношений подчинения главенствует богатство, а у Мэн-цзы — добродетель. Чэнь Хуаньчжан использовал такое сравнение, чтобы подчеркнуть объективные различия между культурами: «Теория Смита может быть верна, когда он говорит о западном мире, но теория Мэн-цзы также верна, когда он говорит о Китае. Китай почитает добродетель превыше всего, и это своеобразный продукт Конфуция» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 213–214].

Смит говорил, что «никогда в мире не было такой важной семьи, блеск которой проистекал бы из наследования мудрости или добродетели» [Smith, 2007, p. 668]. С китайской точки зрения, все обстоит по-иному. Чэнь Хуаньчжан указал, что слава кланов Конфуция, его учеников и великих конфуцианских мыслителей династии Сун проистекает исключительно из наследования мудрости и добродетели. Хотя качества потомков таких семей уступают предкам, китайцы придают им особый статус ради почитания добродетелей знаменитых предшественников, уделяя меньше внимания потомкам аристократии и не обращая внимания на богачей [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 214].

Китайский исследователь указывал, что Смита и Конфуция объединяет понимание того, что разница в социальном положении людей и их доходах обусловлена не природой, а разницей в уровне образования [Smith, 2007, p. 78; Chen Huan-Chang, 2015a, p. 214]. Он также обнаружил сходство учений Р. Кантильона, Смита и Мэн-цзы о минимальной заработной плате, которая должна позволять работнику содержать семью [Smith, 2007, p. 125; Chen Huan-Chang, 2015a, p. 490].

Чэнь Хуаньчжан продемонстрировал знакомство с учением Д. Рикардо, указав на отличие десятины, собираемой в пользу церкви на Западе, от десятины в пользу государства в Китае. Ученый подчеркнул, что Конфуций признавал десятину, однако возражения Рикардо, считавшего этот налог недостаточно устойчивым и твердым, несостоятельны применительно к китайской системе налогообложения крестьян [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 648].

Китайский исследователь оспорил высказанную Т. Мальтусом в «Опыте закона о народонаселении» (1798 г.) критику китайской системы поддержки детьми своих престарелых родителей за распространение и консервацию «зависимой бедности». Чэнь Хуаньчжан заявил, что Мальтус смотрит на проблему с точки зрения роди-

телей, которые благодаря помощи со стороны детей теряют экономическую независимость вместе с мотивацией к сбережению. Однако китайцы ставят на первое место обязанность детей отплатить своим родителям за их доброту. Если сыновья лишатся обязанности поддерживать своих родителей, это ослабит их экономическую мотивацию и желание трудиться [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 163–164].

Чэнь Хуаньчжан не ограничился изучением идей Конфуция и Мэн-цзы. В книге рассматриваются течения раннего конфуцианства, при проведении сопоставлений ученый обращался к экономическим идеям Гуань-цзы, Лао-цзы, Мо-цзы, Шан Яна, Сюй Сина [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 9].

Однако Чэнь Хуаньчжан осознанно пренебрег исследованием экономических идей Гуань-цзы и его теории регулирования «цинчжун» 輕重 — «стабилизации легкого и тяжелого». Подобный подход выделялся на фоне значительного интереса, который проявляли в Китае в конце правления династии Цин к трактату «Гуань-цзы», в те годы можно было встретить перевод слова «экономическая наука» как «изучение цинчжун» [Di Yuzhong, Lu Shouyun, 2009, p. 3].

Чэнь Хуаньчжан признавал, что Гуань-цзы стал первым известным древним китайским мудрецом, создавшим целостную систему экономических идей. Однако обращения Чэнь Хуаньчжана к наследию Гуань-цзы были подчинены задаче истолкования конфуцианского учения: «Экономическая система Конфуция — это не национализм, а космополитизм. До Конфуция экономические теории были в основном похожи на доктрины школы меркантилизма и принимали нацию за единицу. Главным представителем явился Гуань-цзы, который был наиболее успешным министром в реализации меркантилизма и государственного социализма. Он первым создал полноценную экономическую систему, которую мы видим сегодня. Но у нас нет возможности заниматься его экономикой, и единственная причина, по которой мы упоминаем о нем, — это противопоставить его Конфуцию» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 143–144]. Штейн обоснованно критиковал Чэнь Хуаньчжана за то, что, усматривая в «Гуань-цзы» «успешную реализацию идей меркантилизма и государственного социализма», он модернизировал древнекитайские идеи [Shtein, 1959, p. 13].

Чэнь Хуаньчжан стремился выявить исторический фон возникновения древних экономических учений, соединяя изучение истории экономической мысли с постижением национальной экономической истории. В предисловии он отметил, что первоисточниками служили классические произведения, а исторические труды были вторичными материалами [Chen Huan-Chang, 2015a, p. ix]. Чэнь Хуаньчжан предлагал рассматривать его книгу как экономическую историю Китая, главное место в которой занимают экономические учения, а история — вспомогательное [Chen Huanzhang, 2009c, p. 443].

Экономическую науку (economics) Чэнь Хуаньчжан называл «лицайсюэ» 理財學 (учение об упорядочении богатства). Источником сочетания «лицай» (упорядочение богатства) является комментарий «Си цы» к древнекитайской «Книге перемен», названный в тексте диссертации Чэнь Хуаньчжана «Приложением» к «Канону перемен». «Китайским эквивалентом “economics” является “управление богатством”. Этот термин не нуждается в объяснении и не требует определения. Однако необходимо проследить его происхождение. Он появляется впервые в “Приложении” к “Канону перемен”: “То, что позволяет людям жить коллективно, — это бо-

гатство. Управлять богатством, формулировать правила и запрещать людям поступать неправильно — это называется правосудием». С тех пор, как было написано «Приложение», китайцы обычно использовали термин «управление богатством» для обозначения искусства политической экономии, а также экономической науки» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 50].

Тем временем в Японии для обозначения экономической науки приняли китайский термин «цзинцзи», который в начале XX в. благодаря переводам научной литературы с японского языка получил распространение в Китае. Известный британский синолог Г. А. Джайлс истолковал «цзинцзи» в своем китайско-английском словаре как «политическая экономия». Чэнь Хуаньчжан оспорил этот выбор: «Термин «цзинцзи» очень широк и не является удачным эквивалентом «экономической науки», поскольку, как правило, подразумевает способность управлять государством и охватывает все сферы деятельности власти. Таким образом, он относится скорее к политике, чем к экономике. Поэтому будет правильнее сохранить старый термин «управление богатством» в качестве эквивалента экономической науки, так как он гораздо более точен и всеобъемлющ, чем «цзинцзи»» [Chen Huan-Chang, 2015a, pp. 50–51].

Диссертация Чэнь Хуаньчжана была создана в период становления китайской терминологии экономической науки. За десять лет до ее появления первый китайский переводчик «Богатства народов» Янь Фу утверждал, что экономическая наука должна именоваться «цзисюэ» 計學 (наука о расчете), а не «лицай» 理財 (упорядочение богатства), поскольку «упорядочение богатства» относится к категории практической техники, или «искусства». Впоследствии пришедший из японского языка термин «цзинцзи» 經濟 стал общепринятым, а предложенные Янь Фу и Чэнь Хуаньчжаном варианты в лексиконе китайской экономической науки не прижились.

Стремление к модернизации идей Конфуция можно продемонстрировать на примере трактовки комментария «Си цы» о «собрании людей при помощи богатства». Чэнь Хуаньчжан сделал вывод, что социология опирается на экономическую науку и зависит от нее, поскольку при отсутствии богатства нет коллективной организации жизни общества. Индивид не может жить без богатства, но способен существовать без общества, так как имеет возможность получать богатство от природы, а не от людей. На этом основании Чэнь Хуаньчжан заключил, что экономическая наука предшествует социологии [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 54].

Чэнь Хуаньчжан излагал древнекитайские экономические идеи с учетом принятого в мировой экономической науке того времени деления экономики на производство, обмен, распределение и потребление. Чэнь Хуаньчжан упростил эту схему до двух компонентов — потребления и производства. Обосновывая свою позицию, он ссылаясь как на классические китайские тексты, так и на труды современных ему западных экономистов, которые рассматривали обмен и распределение как часть производства [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 182–184].

Аргументы в пользу такого деления он нашел в классическом конфуцианском каноне «Великое учение» («Да сюэ»), в котором были выделены производство и потребление без упоминания о распределении: «У порождения богатств есть великий Путь. Если порождающих богатства много, а потребляющих — мало, производятся они быстро, а используются медленно, то богатств всегда вдоволь» [Confucian Four Books..., 2004, p. 119].

Чэнь Хуаньчжан отметил, что «великий принцип (Путь)» делает производство и потребление равными по рангу, но требует, чтобы производство превышало потребление. «Это совершенно правильно. Если бы производство было просто равно потреблению, то не могло бы быть не только увеличения производства, но и увеличения потребления. Единственным средством расширения потребления является производство богатства сверх предела потребления. Это способ аккумулировать капитал и сделать богатство всегда достаточным» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 182].

Понятия «много» и «мало», «быстро» и «медленно», по мнению Чэнь Хуаньчжана, используются в тексте «Великого учения» лишь для сравнения. «Это не значит, что потребителей должно быть так мало, чтобы сдерживать производителей, а использование богатства должно быть таким медленным, чтобы блокировать его создание. Если бы это было так, то это было бы не только нецелесообразно, но и невозможно» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 183].

Чэнь Хуаньчжан подчеркнул, что экономический принцип «Да сюэ» сохранил свое значение в новую эпоху. Смысл рассуждений о «многом» и «малом» числе людей остается прежним. Однако слово «быстро» способно вобрать в себя идею улучшения экономической жизни и появления новых инструментов, ускоряющих процесс создания богатства. «Машины, помогающие экономить время, транспорт и сообщение, деньги и банковская система, коммерческие организации и так далее, все они включены в принцип, согласно которому те, кто создает богатство, должны быть быстрыми. Таким образом, эта фраза охватывает не только производство, но и обмен и распределение» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 183].

В лекции, прочитанной 13 мая 1912 г. перед китайской аудиторией, Чэнь Хуаньчжан пояснил, что смысл слова «быстро» глубже, чем слова «много». Производителей может быть много, однако свою работу они делают медленно, такая ситуация сложилась в Китае с населением в 400 млн человек. В Голландии или Бельгии численность населения небольшая, однако производительные силы в этих странах развиты. Если в Китае обратят внимание на то, чтобы работа делалась быстро, то богатства будет достаточно. Чэнь Хуаньчжан заключил: «Из этого можно сделать вывод, что смысл этих нескольких фраз “Великого учения” очень широкий» [Chen Huanzhang, 2009c, p. 449].

По мнению Чэнь Хуаньчжана, в пользу деления экономической науки на производство и потребление свидетельствуют труды западных экономистов. Он сослался на учение Дж. Б. Кларка, который отверг четырехзвенное деление науки на производство, распределение, обмен и потребление. Для Кларка обмен — это только часть производства, потому что он производит либо полезность формы, либо полезность места, либо полезность времени. Распределение тесно связано с производством, поскольку распределение происходит в соответствии с вкладом каждого в продукт. «В действительности производство продолжается до того момента, когда начинается потребление. Поэтому “Великое учение”, разделяющее экономическую науку на две части, а не на четыре, охватывает все» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 184].

Синтез идей конфуцианского «Великого учения» с западной экономической наукой позволил Чэнь Хуаньчжану разделить экономическое учение Конфуция не на четыре, а на две части путем включения обмена и распределения в сферу производства. Хотя в естественном порядке производство предшествует потре-

нию, для удобства изложения китайский ученый изменил данный порядок и начал с потребления. Он объяснил это тем, что человеческие желания являются основой экономической жизни и целью производства. Кроме того, раздел о производстве должен быть более всеохватывающим, чем раздел о потреблении, поэтому «лучше сначала обсудить более простую тему, а затем более сложную» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 184]. Исходным для Чэнь Хуаньчжана стал тезис о том, что цель производства состоит в потреблении: если не будет тех, кто потребляет, то зачем нужны те, кто производит [Chen Huanzhang, 2009c, p. 448]?

2. Переосмысление традиционных взглядов на потребление

Происходившие в Китае в конце XIX в. социально-экономические перемены сопровождалась переосмыслением традиционных воззрений с позиции их совместимости с требованиями модернизации. Представители реформаторского течения Вэй Юань, Янь Фу, Лян Цичао, Тань Сытун призывали изменить взгляд на потребление. Их выступления вошли в историю китайской мысли как проявления новой идеологии «поклонения роскоши и отказа от бережливости» [Zhao Quanmin, 2001, p. 90].

Традиционное отношение китайцев к потреблению было противоположным — «поклоняться бережливости и отказываться от роскоши». Сопоставления с экономической жизнью западных стран позволили китайским реформаторам сделать вывод о том, что регулирование экономического поведения людей с помощью морали и ритуала стало помехой для экономического развития. Чтобы стимулировать экономическую активность и расширить возможности для предпринимательской деятельности, необходимо было признать, что стремление к прибыли рационально, а тяга к роскоши соответствует природе человека.

Реформаторам удалось привлечь внимание китайского общества к проблеме связи потребления и производства, однако нераскрытым остался вопрос о бережливости как источнике экономического развития. Если богачи потратят все свои средства на потребление роскоши, то у них не останется средств на инвестирование в производство, промышленность не будет развиваться и Китай не сможет стать сильным и богатым. Предстояло глубоко исследовать источники традиционных китайских экономических и этических концепций ради того, чтобы обнаружить позитивный смысл идеи бережливости, адаптировать ее к запросам развития рыночной экономики в условиях отсталости, бедности и ограниченности ресурсов.

В начале XX в. миссия обсуждения этих проблем перешла от реформаторов к экономистам, воспринявшим основные положения западной науки. Чэнь Хуаньчжан одним из первых попытался выявить особенности подходов китайских мудрецов к человеческим желаниям в контексте взаимосвязи между потреблением и производством.

Ученый проанализировал идеи потребления Конфуция и его школы с точки зрения теории желаний, теории счастья, теории роскоши и экономии, а также теории особых расходов. Он отметил, что Конфуций называл еду, питье и сексуальное влечение главными желаниями человека. Вне зависимости от изменений в духовной жизни, эти базовые желания выступают краеугольными камнями человеческого общества [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 187–188].

Система воззрений Конфуция была построена на желаниях, что сближало ее с западной экономической мыслью и давало возможность рассматривать Конфуция как экономиста. По мнению Чэнь Хуаньчжана, учение Т. Мальтуса было сформулировано на той же основе, что и у Конфуция. В подтверждение он процитировал слова из «Опыта закона о народонаселении» о потребности людей в еде и сексуальных отношениях. «Однако Мальтус развил из этих желаний его знаменитую доктрину народонаселения, тогда как Конфуций разработал общую систему философии. Это объясняется тем, что Мальтус был специализированным экономистом, тогда как Конфуций был великим учителем в самом широком смысле. Но если брать части его общей системы, то и Конфуций показал себя как экономист» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 189].

В интерпретации Чэнь Хуаньчжана подлинная суть учения Конфуция сводится не к уничтожению желаний, а к сокращению их числа и недопустимости потворства желаниям. До основоположника сунского неоконфуцианства Чжоу Дуньи, жившего почти через тысячу лет после Конфуция, конфуцианцы не выступали с призывами подавлять людские желания [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 188]. Именно неоконфуцианцы утвердили в китайской культуре идею «сохранения Небесного принципа и уничтожения людских желаний».

Чэнь Хуаньчжан сосредоточил внимание на тех правилах конфуцианской ритуальной благопристойности «ли» 禮, которые касаются потребления. Он разделил функции этих правил на две группы — одна связана с удовлетворением желаний, а другая — с ограничением желаний. Конфуций считал удовлетворение желаний позволительным в рамках ограничений, налагаемых правилами ритуальной благопристойности [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 189–190].

Особенность взглядов Конфуция Чэнь Хуаньчжан видел в том, что древний мудрец рассматривал людские желания как основу философии, соединяя воедино элементы экономики и этики. Ученый пояснял, что эта система берет свои принципы у Неба и создает настоящее царство на земле, она «не негуманная, а гуманная», «не теоретичная, а практичная», «кое-где духовная, но очень материальная», «этическая, но в то же время экономическая». «Конфуций создал из экономики и этики одну систему, а удовлетворение желаний является первой по значимости функцией ритуала» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 191–192].

В этом ученый находил преимущество конфуцианства перед учениями других древнекитайских школ. Основатель даосизма Лао-цзы выступал за отказ от желаний и утверждал: «Тот, кто гонится во весь опор за добычей, теряет разум. Редкостные товары портят людские нравы» [Lao-zi, 2010, p. 202]. Мо-цзы редуцировал потребление человека к бедности, делая жизнь неудобной. Чэнь Хуаньчжан пришел к выводу, что «даосизм и моизм очень неестественны и непрактичны, поскольку они не удовлетворяют человеческих желаний» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 192–193].

Конфуций выделял четыре типа регулирования людских желаний — моральный контроль, социальный контроль, финансовые условия и регулирование с учетом фактора времени. Моральный контроль представляет способность человека к самоконтролю и является важнейшим регулятором желаний [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 197].

Социальный контроль основан на иерархическом общественном порядке. В конфуцианской традиции общество делится на пять слоев — император, князя, великие

чиновники, ученые, простые люди. Для каждого слоя были установлены отдельные критерии потребления еды, одежды, жилища, мебели, украшений. Подтверждения подобной регламентации Чэнь Хуаньчжан находил в древних текстах. К примеру, у императора должно быть семь храмов предков, у князя — пять, у великого чиновника — три, у ученого — один, у простых людей — ни одного. Когда новорожденному сыну исполняется три дня, проводится церемония жертвоприношения. Если это старший сын императора или князя — убивают трех животных, если чиновника — двух маленьких, если ученого — одну свинью. Если сын не старший, то происходит снижение церемонии на один уровень [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 198–199].

Чэнь Хуаньчжан полагал, что в моральной сфере подобная система побуждает людей бороться за добродетель, а не за богатство. В социальной сфере она гарантирует, что человек, занимающий более высокое положение, будет наслаждаться лучшей жизнью. Сходную мысль о важности социальных различий он отыскал в работе «Политическая экономия» Н. У. Сениора, который указывал, что обязанности вышестоящих членов общества не будут выполняться должным образом, если они не вызывают уважения к себе со стороны низов демонстрацией роскоши [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 201].

Конфуцианцы исходили из того, что богатство ограничено и не может удовлетворить потребности всех членов общества. Если не будут установлены стандарты потребления, то никто не будет удовлетворен, так как желания безграничны. Чэнь Хуаньчжан отметил, что, согласно современной экономической теории, увеличение потребления ведет к увеличению производства. Конфуций ограничивал потребление, поскольку не видел условий для увеличения производства. Соединение этической и экономической мотивации предполагало, что если человек захочет больше потреблять, то будет стремиться произвести больше для общества. Поэтому регулирование потребления не препятствовало общественному прогрессу, а способствовало ему [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 202].

Регулирование желаний, исходя из финансовых условий, означает, что потребление должно соответствовать уровню дохода человека. Обладающий высокими моральными качествами конфуцианский «благородный муж» осведомлен о том, что соответствует его положению, и не хочет ничего, кроме этого. Может показаться, что потребление по средствам является общепринятым тезисом. Однако при изучении человеческих желаний видно, что некоторые обеспеченные люди хотят потратить больше, чем им предписано, и это ведет к растратам. Бедные нередко стремятся израсходовать больше, чем имеют. Иногда люди занимают деньги в расчете на будущие доходы, а иногда занимаются коррупцией и грабежом. Когда человек потребляет столько, сколько ему позволено, но не удовлетворен своим положением, он испытывает психологический дискомфорт. По мнению Чэнь Хуаньчжана, если все будет следовать учению Конфуция, то смогут не только сохранить свое финансовое положение, но и будут довольны своей жизнью [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 204].

При регулировании желаний необходимо также принимать во внимание фактор времени, под которым Чэнь Хуаньчжан имел в виду период, когда расходуется богатство. В тяжелые в экономическом отношении годы следует свести расходы к минимуму, снизить потребление, не заниматься общественными строительными работами [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 206].

Обратившись к теории счастья, Чэнь Хуаньжан отметил, что ограничение человеческого желания обрести богатство способно сделать людей несчастными. Чтобы не допустить этого, Конфуций позволяет каждому — богатому или бедному — радоваться жизни и находить удовольствие в том, что он потребляет. Мудрец предлагал разные пути достижения радости, побуждая людей возвыситься над материальными желаниями. Богатые должны быть довольны тем, что они имеют, счастливыми их делает не богатство, а удовлетворение от него. Самоуважение бедных людей не должно подвергаться влиянию экономических условий [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 209–210]. Чэнь Хуаньжан сослался на похвалу Конфуцием мудрости своего ученика Янь Юаня: «Он довольствуется одной чашкой риса и утоляет жажду из тыквенной корки, живет в ветхой лачуге. Другие не вынесли бы таких лишений, а он всегда доволен» [Perelomov, 1988, p. 343; Chen Huan-Chang, 2015a, p. 216].

По мнению Чэнь Хуаньжана, в сфере потребления в полной мере проявилось стремление Конфуция к «золотой середине», противившегося как чрезмерной роскоши, так и чрезмерной экономии [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 244, 261]. Об этом свидетельствует изречение о том, что «расточительность ведет к непослушанию, а бережливость — к скаредности; но лучше быть скаредным, чем непочтительным» [Perelomov, 1988, p. 354]. Из него следует, что Конфуций предпочитал скаредность расточительности, а идея «золотой середины» находилась ближе к экономному потреблению [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 261].

Конфуций руководствовался критериями потребления, изложенными в каноническом тексте «Записи о ритуале» («Ли цзи»). Ритуальные правила были установлены для каждого общественного слоя и потому представляли основу социальных стандартов жизни людей. Чэнь Хуаньжан считал, что идеи дифференцированного по социальным рангам потребления рациональны и соответствуют принципу эффективности. Социальные стандарты оказывают значительное влияние на экономику. «Они заставляют каждого удовлетворять желания в соответствии со стандартами своего класса. Это способствует тому, чтобы производимое богатство могло удовлетворить потребности потребителей. Они поощряют людей прилагать усилия в производстве для того, чтобы поднять себя на более высокий уровень. Поэтому Конфуций предписывал разные стандарты для разных классов» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 262].

Ученый подчеркивал, что конфуцианцы видели разницу между индивидуальными и общественными расходами. Когда деньги расходуют, исходя из собственного интереса, надо быть бережливым, но в общественных интересах следует быть «либеральным». В духе традиционной аргументации, построенной на обильном цитировании классических текстов, Чэнь Хуаньжан пояснил эту мысль через сравнение расточительства Гуань Чжуна и скаредности Янь Пинчжуна, описанного в тексте «Ли цзи». Оба они были достойными высокопоставленными чиновниками. Первый жил в такой роскоши, что его вышестоящим начальникам было трудно отличаться от него. Второй так сильно экономил на жертвоприношениях, что его подчиненным было сложно жить скромнее него. Эти чиновники отступили от правил умеренности, их стандарты потребления находились выше либо ниже установленных в соответствии с социальной иерархией, и потому Конфуций осуждал тех и других [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 244].

Образцом отношения к тратам выступал древний правитель Юй. Конфуций одобрял его низкие стандарты в сфере личного потребления — использование лишь необходимых для жизни одежды, еды и жилища. Но при оценке с точки зрения общественных расходов — религиозных пожертвований и общественных работ — Конфуций хвалил Юя за либеральное отношение к тратам [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 245].

Конфуцианство выступает не за скарденность, а за этический контроль над экономическими желаниями. «Потребление — это цель экономической науки, а производство — только средство. Если человек не потребляет в умеренном виде то, что он производит, он уничтожит цель производства, тогда не может быть никакого экономического прогресса» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 252]. Чэнь Хуаньчжан отметил, что если чрезмерная скупость станет главным духом нации, то менталитет людей станет узким, природа — злой, у них не будет амбиций, их жизнь станет несчастной, они не будут щедрыми в социальных связях.

Ученый привел цитаты, свидетельствующие об интересе древних конфуцианцев к материальному потреблению. В «Лунь юй» говорится, что Конфуций внимательно относился к потреблению еды [Perelomov, 1988, p. 370]. Из «Записей о ритуале» видно, какой прекрасной была еда уже во времена Конфуция, — неудивительно, что китайская кухня — «самая лучшая в мире» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 253, 255].

Отдельная глава книги посвящена особым тратам, к которым конфуцианцы относили расходы на свадьбу, похороны и соблюдение траура, поклонение предкам и социальное взаимодействие. Эти траты имеют не только экономическое содержание, у них также есть социальные, политические, философские и религиозные основания [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 271]. Питание живых и похороны усопших конфуцианцы рассматривали на одном уровне — как две потребности экономической жизни [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 280]. Социальное общение требовало вручения подарков в соответствии с четко описанными правилами для выражения уважения и симпатии. Чэнь Хуаньчжан отметил, что к началу XX в. этот ритуал претерпел изменения, однако в прошлом такие траты считались обязательными [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 292].

3. Экономическое значение конфуцианской традиции

Чэнь Хуаньчжан назвал предписанную Конфуцием идею дифференцированных стандартов потребления для разных классов общества китайским аналогом западных законов, регулирующих потребление предметов роскоши (sumptuary laws). Мудрец опасался, что произведенного богатства будет недостаточно для удовлетворения безграничных желаний. В результате, Конфуций пришел к пониманию закона убывающей отдачи, и этот подход был оправдан тем, что в древности масштабы производства были ограничены [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 717].

Поскольку Конфуций позволил каждому подниматься в более высокие классы общества, то любой человек мог увеличить личное потребление за счет повышения социального статуса. Регламентация потребления не могла затормозить экономическое развитие, если у индивида была возможность занять более высокую общественную ступень: «Слова “благородный” и “богатый” были взаимозаменяемы.

В китайской истории регулирование потребления произвело малый эффект или вовсе никакого, богатые могли потреблять что угодно, за исключением небольшого числа вещей, связанных с официальными отличиями. Поэтому объяснения причин статичного производства в Китае надо искать в другом. Конфуций за это не ответственен, так как разные стандарты для разных классов в соответствии с их доходом естественны и неизбежны» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 717–718].

Отсутствие прогресса в Китае Чэнь Хуаньчжан объяснял этическими причинами. Определенную ответственность за экономическое отставание Китая он возлагал на буддистов и даосов, которые пренебрегали материальным благосостоянием [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 718]. Свою роль сыграла существовавшая система образования, не уделявшая внимания обучению практическим навыкам, необходимым для удовлетворения повседневных нужд людей. Замедленное развитие было также обусловлено социальными, политическими и экономическими причинами — отсутствием революционных изменений в производстве, недостатком капитала, ростом населения, уравнительным распределением богатства.

Чэнь Хуаньчжан полагал, что экономическая жизнь китайцев была более «социалистической», чем у людей Запада. «Потребление более индивидуалистично, чем производство. Однако китайцы потребляют много богатства социально. Человек в Китае должен потратить большую сумму для других, нежели в Америке. За пределами семейной группы есть связи клана, города, брачные и дружеские связи. Они выходят за территориальные границы и длятся много поколений. Поскольку социальные связи тесны, сложны и широки, то социальные расходы в индивидуальном бюджете очень большие» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 724].

Признавая экономическое отставание Китая, Чэнь Хуаньчжан был уверен в том, что будущее развитие возможно лишь с опорой на собственную культурную традицию. Он не соглашался с существовавшим тогда на Западе мнением о том, что Китай не сможет стать сильным без принятия христианства. Ученый заявил, что с философской точки зрения христианство не так глубоко и богато, как конфуцианство, а с практической — не так связано с человеком и его потребностями, как конфуцианство [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 728]. Главный вывод состоял в том, что «будущее Китая обнадеживает». Имея непрерывную 5000-летнюю историю, умный народ, большую территорию, богатые природные ресурсы, централизованное правительство, единый язык, высокоразвитую религию, национальную идею, «Китай, несомненно, станет сильной нацией» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 730].

Выступая перед китайской аудиторией с рассказом о содержании своей книги, Чэнь Хуаньчжан указал на ее значение для изучения религии Конфуция и раскрытия смысла китайской цивилизации. Он отметил, что на Западе нередко смотрят на китайскую цивилизацию свысока. Некоторые считают, что мировая цивилизация есть только на Западе, а Китай никогда не занимал в ней своего места [Chen Huan-zhang, 2009c, p. 442].

Свою задачу Чэнь Хуаньчжан видел в том, чтобы сравнить западную экономическую науку с китайским учением, выявить различие и сходство между ними, сопоставить плюсы и минусы. Он указал на две опасности при проведении подобных сравнений. Прежде всего, это стремление к натяжке. Китайцы любят делать далеко идущие выводы на основании искусственного притягивания китайского учения к западным, утверждая, будто Запад «присвоил» китайское учение. Другим

недостатком является пристрастность. Когда о Конфуции рассуждают в качестве последователей его учения, а о положении в Китае говорят с позиции китайцев, неизбежно возникает патриотический энтузиазм, который иногда ведет к несправедливым суждениям. Чэнь Хуаньчжан заявил, что стремился преодолеть эти трудности и потому написал книгу, используя методы западных ученых [Chen Huanzhang, 2009с, р. 443].

В предисловии Чэнь Хуаньчжан назвал свою книгу «исследованием старого режима» Китая, обзором китайской мысли и китайских институтов, которые появились независимо от Запада. «Хотя мое расположение материала следует общепринятому среди западных авторов и моему пониманию старых текстов значительно помогли западные мыслители, я тщательно старался не искать в писаниях древних китайцев идеи, почерпнутые у западных экономистов» [Chen Huan-Chang, 2015a, р. ix]. Он утверждал, что все его рассуждения следуют букве и духу первоисточников, находятся в гармонии с системой Конфуция в целом. «Это первая попытка представить экономические принципы Конфуция и его школы в систематическом виде на любом языке. В будущем я намереваюсь перевести эту книгу на китайский язык» [Chen Huan-Chang, 2015a, р. x].

В 1913 г. на китайском языке вышла только одна глава 32 «Общественные финансы», которую ученый считал наиболее актуальной для своей страны. Текст был напечатан в первом номере «Журнала Общества религии Конфуция». Чэнь Хуаньчжан пояснил, что самой большой проблемой Китая является бедность, государство пытается жить на иностранные займы, пренебрегая традиционными представлениями об использовании богатства и морали-дэ 德, что способствовало неморальному и незаконному распространению коррупции и стремлению к роскоши. Ученый отметил, что никакими займами эту проблему не решить. Он уповал на то, что ознакомление с переведенной главой его диссертации поможет соотечественникам понять принципы соразмерности расходов и доходов, экономии и любви к людям. Чэнь Хуаньчжан заявил, что следование данным принципам в древности и в современности, в Китае и за рубежом обеспечивает спокойствие в государстве, тогда как отказ от них ведет к его гибели. Практика конфуцианской религии предстала в качестве главного решения проблемы китайских финансов [Han Hua, 1999, р. 88].

4. Книга Чэнь Хуаньчжана в оценках современников

В начале XX в. публикация «Экономических принципов Конфуция и его школы» вызвала многочисленные отклики. Книге были предпосланы два предисловия, которые написали профессора Колумбийского университета. Синолог Ф. Хирт отмечал, что в книге Чэнь Хуаньчжана «конфуцианство представлено с чисто конфуцианской точки зрения автором, который сам является конфуцианцем и обладает преимуществом для того, чтобы просеять свои идеи через методы западной науки» [Chen Huan-Chang 2015a, р. v]. Наставник Чэнь Хуаньчжана экономист Г. Сигер выражал надежду, что знание Китая и Запада позволит ученику внести вклад в реформу и модернизацию Китая [Chen Huan-Chang, 2015a, р. vii]. Похвалы от американского синолога и экономиста указывали на многосторонний характер исследования, они также формировали позитивный контекст восприятия книги читателем.

Издававшаяся в США на китайском языке газета «Чжунго вэйсинь бао» (*Chinese Reform News*) писала, что автор книги «использовал методы западных исследователей для упорядочения китайского учения». Отмечалось, что Чэнь Хуаньчжан стал первым китайцем, который с помощью экономической науки говорил об учении Конфуция. Он первым издал на английском языке книгу, которая пропагандировала конфуцианское учение [Chen Huanzhang, 2009b, p. 421–423].

Американский еженедельник *The Independent* (11 января 1912 г.) писал, что глубокий анализ Чэнь Хуаньчжаном поучений Конфуция и обсуждение их экономического эффекта представит интерес для широкой публики, которая стала понимать, что «китайцы не являются сенильной и окаменелой расой, неспособной к прогрессу». Они просто запоздали, но наконец-то пробудились и осознали необходимость догнать наиболее передовые нации во всех отношениях. «Книга завершается честным сравнением китайской цивилизации с нашей, которое представляет особый интерес, поскольку показывает, что думает о достижениях своей страны умный китаец, который провел пять лет в Нью-Йорке» [Anonymous, 1912, p. 99].

Публиковавшийся в Нью-Йорке журнал *The Oriental Review* (май 1912 г.) с похвалой отмечал, что прежде таких книг китайские авторы не писали. Когда ее переведут на китайский язык, она докажет свое неопределимое значение для самих китайцев. Издававшаяся в Шанхае на английском языке авторитетная иностранная газета *The North-China Daily News* (15 августа 1912 г.) высказала мнение, что книга представляет новый шаг в изучении древнего Китая, она призвана стать учебником для нового Китая в его борьбе с Западом [Chen Huanzhang, 2009b, p. 421–423].

Наибольшее внимание в Китае уделяют рецензии на книгу Чэнь Хуаньчжана, которую в декабре 1912 г. написал Дж. М. Кейнс. Он обратил внимание на ее богатое содержание, выделив отдельные сюжеты — раздел про китайские деньги, описание системы колодезных полей, идеи евгеники. «Содержание книги складывается отчасти из вклада в экономическую историю Китая, отчасти — из стихотворений и афоризмов многих поколений на все темы, которые можно считать в самом широком смысле экономическими. Его главы названы “Факторы производства”, “Распределение”, “Государственные финансы” и так далее; но в эту искусственную схему он вписал много очаровательного и поучительного» [Keynes, 1912, p. 584].

То, что Кейнс называл «искусственной схемой», для Чэнь Хуаньчжана было наиболее значительным аспектом новизны его диссертации, связанным со структуризацией китайских экономических идей в соответствии с западными концепциями. Он впервые предпринял попытку посмотреть на китайскую мысль с иной точки зрения и встроить ее в «схему», созданную в другой цивилизации.

Больше всего Кейнса заинтересовал раздел книги о денежном обращении. Хотя в начале XX в. Китай был наименее развит в этой сфере по сравнению с другими странами, Чэнь Хуаньчжан показал, что «были многие практики, в использовании которых Китай опережал их» [Keynes, 1912, p. 585]. В рецензию вошли упоминания о том, что деньги использовались в Китае с 2900 г. до н.э., триметаллическая система (с уменьшающимся использованием золота) существовала с самых давних времен, а медные деньги, как и сейчас, в прошлом были ее основой. Бумажные деньги получили распространение в Китае намного раньше, чем среди других народов. Кейнс особо подчеркнул, что в IX в. н.э. в Китае использовалось нечто среднее между банкнотами и векселями, эта практика получила название «лета-

ющих денег» [Keynes, 1912, p. 585–586]. Рецензент также отметил, что «китайские ученые уже давно поняли закон Грэшема», в соответствии с которым худшие деньги со временем вытесняют из обращения лучшие, и количественную теорию денег [Keynes, 1912, p. 586].

Социолог Э. А. Росс из Университета Висконсин в *The American Economic Review* отметил, что книга представляет собой «компендиум» китайской экономической мысли, проанализированной и сгруппированной в соответствии со структурой современной политической экономии. Работа выделяется тем, что расширяет кругозор западных читателей, открывая им глаза на «ценность китайской мысли и богатство китайского опыта». Рецензент предположил, что западные мыслители будут благодарны «преданному конфуцианцу», который сделал доступной китайскую систему мысли, включающую в себя не только политическую экономию, но также этику и социологию [Ross, 1912, p. 883–884].

В неподписанной рецензии в *The Journal of Race Development* отмечалось, что книга стала очень ценным вкладом в западную литературу о китайской мысли, ее автор соединяет две желаемых черты — исключительно широкое знание китайской литературы и современных способов обращения с ней. Попытки Чэнь Хуаньчжана сравнивать древнее с современным рецензент оценил со скепсисом. По его мнению, авторы подобных сопоставлений прочитывают в лаконичных и порой загадочных высказываниях мудрецов намного больше, чем те намеревались сказать, и приписывают условиям древности черты, производные от более поздней истории. «Но даже если доктор Чэнь иногда допускал эту ошибку, многое позволяет простить его. Он представил в распоряжение западным ученым большой объем информации, которая до этого времени была недоступной, и заслуживает за это сердечной благодарности» [Anonymous, 1914, p. 230].

The American Journal of Theology отметил, что «всеобъемлющий трактат об экономических аспектах конфуцианской философии» представляет особый интерес, когда Китай меняет старую форму правления и строит новую, в которую включает то, что находит подходящим или желательным в западных системах. Владеющий английским языком, близко знакомый со старой и новой западной методологией, а также хорошо знающий конфуцианскую систему, Чэнь Хуаньчжан, «возможно, единственный из живущих, кто может весьма квалифицированно разобраться в этой своевременной и важной теме» [F, 1912, p. 650].

При этом рецензент заявил, что внимательное прочтение этой работы поражает изобилием «восточных преувеличений» и тщеславием. Попытка Чэнь Хуаньчжана заявить о своем приоритете в систематическом изложении экономических принципов Конфуция на иностранном языке была истолкована как принижение заслуг западных синологов. Другим проявлением «безответственной манеры» автора были названы рассуждения о том, что Конфуций учил подчинять экономические мотивы этическим, поэтому китайцы стыдятся говорить о том, как зарабатывать деньги, а конкуренция в бизнесе не слишком острая. По мнению рецензента, общеизвестно, что тема денег — постоянный сюжет бесед китайцев; чтобы в этом убедиться, достаточно пройти по улице за парой беседующих между собой китайцев или зайти в чайную и послушать их разговоры. По масштабам конкуренции в бизнесе Китай превосходит другие страны, однако Чэнь Хуаньчжан думает иначе, «он живет в идеальном мире и игнорирует реальность» [F, 1912, p. 651].

Самым «вопиющим недостатком» была названа критика в адрес христианства в конце книги. Чэнь Хуаньчжан утверждал, что христианство враждебно по отношению к китайской традиции поклонения предкам, оно опирается на силу оружия и права экстерриториальности. Рецензент выразил удивление, что такое столь престижное заведение, как Колумбийский университет издало подобную работу, не подвергнув ее предварительно тщательной переработке, устранению различных неточностей и изменению преувеличенных заявлений. «Если бы это было сделано, в остальном прекрасный и ценный трактат Чэнь Хуаньчжана по праву заслужил бы более высокое место в мировой литературе, чем то, что он, вероятно, займет» [F, 1912, p. 652].

Книга Чэнь Хуаньчжана привлекла внимание известного французского социолога и экономиста Франсуа Симиана (1873–1935), который опубликовал рецензию в журнале *L'Année sociologique*. Он отметил, что книга представляет несомненный интерес для понимания экономической системы «большого и древнего Китая» и ее сравнения с типами европейских экономик. По мнению Симиана, Чэнь Хуаньчжан стремился показать, что Конфуций анализировал экономическую жизнь и давал предписания для практической деятельности намного более близким к современным экономическим идеям способом, чем это обычно предполагалось. Автор книги знакомит читателей с китайскими текстами, которые в той или иной мере имеют отношение к общим экономическим принципам, потреблению, факторам производства, распределению, а также «экономической организации социалистического типа», предполагающей вмешательство государства в экономическую сферу. «В этом труде мы находим, с одной стороны, элементы вклада в большую проблему соотношения между религиозной и моральной жизнью и жизнью экономической, а с другой — через тексты Конфуция и его школы в качестве объяснений или комментариев, многочисленные факты или информацию об экономической системе этого большого общества» [Simiand, 1913, p. 613–614].

Китайские исследователи подчеркивают, что книга Чэнь Хуаньчжана обрела влияние в США. В Колумбийском университете ее использовали как справочное пособие при преподавании курсов, относящихся к сферам права и политики. Профессор экономики Э. Селигмен часто задавал по этой книге вопросы китайским студентам, защищавшим диссертации в Колумбийском университете [Hu Jichuan, 1984, p. 476].

Почерпнутая из книги идея постоянных зернохранилищ была использована министром сельского хозяйства США Г. Уоллесом при разработке аграрной политики в 1930–1940-е годы. Отвечая на вопрос американского сиолога Д. Бодде об истоках этой политики, в 1945 г. Уоллес заявил: «Я впервые узнал о постоянных зернохранилищах, читая докторскую диссертацию, написанную Чэнь Хуаньчжаном, китайским ученым из Колумбийского университета. Название его диссертации — “Экономические принципы Конфуция и его школы”. В результате я написал несколько редакционных статей для “Wallaces’ Farmer” в 1920-е годы, которые были озаглавлены “Постоянные зернохранилища”» [Bodde, 1946, p. 412].

В китайской истории суть проблемы обеспечения зерном заключалась в том, что слишком высокие и слишком низкие цены на зерно приводили к нестабильности в обществе. Слишком высокие цены наносили ущерб потребителям зерна, а слишком низкие — его производителям. Чэнь Хуаньчжан изложил выдвинутую

придворным сановником Гэн Шоучаном в 54 г. до н. э. идею отказаться от затратных перевозок зерна по территории страны и вместо этого создать во всех провинциях зернохранилища: «Когда цена на зерно была низкой, они должны были покупать его по нормальной цене, превышавшей рыночную, чтобы принести выгоду земледельцам. Когда цена была высокой, они должны были продавать его по нормальной цене, которая была ниже рыночной, чтобы принести выгоду потребителям» [Chen Huan-Chang, 2015a, p. 572].

По мнению Бодде, описание Чэнь Хуаньчжаном постоянных зернохранилищ было «наиболее точным и детальным» среди тех, что он видел на английском языке [Bodde, 1946, p. 413]. Постоянные зернохранилища действовали в Китае на протяжении многих веков. Этот опыт заинтересовал Уоллеса и нашел отражение в его публикациях, а впоследствии лег в основу принятого в США в 1933 г. «Закона о регулировании сельского хозяйства» [Bodde, 1946; Li Chaomin, 2014].

К работе Чэнь Хуаньчжана обращались китайские исследователи, получившие образование в США и специализировавшиеся на истории китайской экономической мысли. В 1930 г. в диссертации «Влияние даосизма и связанных с ним философий на китайскую экономическую мысль», защищенной в Нью-Йоркском университете, Юань Сяньнэн (1898–1983) писал о «популярности работы доктора Чэня о конфуцианстве» [Yuan Xianneng, 2013, p. 17]. Заслугу Чэнь Хуаньчжана он видел в попытке исследовать с помощью признанных методов и систематизировать экономические концепции китайских мудрецов, которые оказали существенное влияние на экономическую жизнь китайцев, однако были разрозненны и смешаны с этическими, философскими и социальными доктринами. Юань Сяньнэн отмечал, что в основе новаторского исследования Чэнь Хуаньчжана лежала структура общепринятого учебника экономической науки, и потому автор не стремился противопоставлять китайскую экономическую мысль западным теориям. «Его цель состояла в том, чтобы показать, что конфуцианцы сделали некоторые прогнозы, которые фактически находятся в гармонии с общепринятыми современными теориями по своей сути» [Yuan Xianneng, 2013, p. 155].

Автор первого систематического исследования истории китайской экономической мысли Тан Цинцэн порицал книгу за отсутствие критического осмысления идейного наследия прошлого. «Материалы богатые, изложение детальное, это — начало изучения на английском языке источников по истории китайской экономической мысли. Однако людей не может удовлетворить то, что господин Чэнь излагает, но не дает оценок, у него отсутствует критический подход» [Tang Qingzeng, 2010, p. 44].

Длительное забвение работы Чэнь Хуаньчжана в Китае было обусловлено не только отсутствием китайского перевода. Наполненная духом преклонения перед конфуцианской мыслью, книга мало соответствовала направлению китайских интеллектуальных поисков XX в., проходивших под знаменем критики традиции и заимствования западных достижений в интересах национальной модернизации.

Заключение

Биография мыслителя свидетельствует о том, что главным делом его жизни была пропаганда конфуцианства. Учеба в США и написанная на английском языке диссертация были частью этих усилий. У Чэнь Хуаньчжана была возможность ис-

пользовать полученное в США экономическое образование для решения теоретических и практических проблем модернизации Китая. Однако после возвращения на родину к экономической проблематике он больше не обращался. В годы учебы в Америке он пытался донести конфуцианское учение до иностранной аудитории. В Китае он стремился реформировать культ Конфуция по образцу западного христианства. Усилия по интерпретации экономического и религиозного содержания конфуцианства имели разную направленность, их общим знаменателем стало соединение древней традиции с потребностями современного общества.

Чэнь Хуаньчжан считал, что конфуцианство «слишком сложно вплетено в жизнь Китая, чтобы его потерять. На самом деле, это самое основание Китая». Обращаясь к западной аудитории, он говорил: «Вы можете победить конфуцианство... но тогда Китай больше не будет Китаем». По его мнению, неконфуцианец никогда не сможет объяснить Китай Западу, поскольку, не будучи проникнутым духом конфуцианства, он не может ощутить настоящий Китай [Builders of the New..., 1928, p. 13]. Посещая в 1929 г. штаб-квартиру Института тихоокеанских исследований (Гонолулу) в качестве президента Конфуцианской ассоциации Китая, Чэнь Хуаньчжан заявил: «Мне все равно, сколько западничества наша молодежь привносит в Китай... пока они не разрушают наше старое наследие. Такого никогда раньше не было с Китаем. Он всегда впитывал новое и поглощал старое» [Institute Notes, 1929, p. 393].

Хань Хуа, ставшая одним из первопроходцев в деле возвращения из забвения экономических идей Чэнь Хуаньчжана в современном Китае и переводчиком «Экономических принципов Конфуция и его школы» на китайский язык, сослалась на интеллектуальный портрет родившихся в 80-е гг. XIX в., который обрисовал гонконгский исследователь Чэнь Ваньсюн [Han Hua, 1999, p. 87]. Он подчеркивал неповторимый облик знаний этого поколения в китайской истории. Эти люди были обладателями поровну как традиционного, так и нового образования, они осваивали иностранный язык и западную науку на фундаменте традиционных китайских знаний. Многие из них получили целостное современное образование университетского или более высокого уровня. «Благодаря таким историческим условиям и возможностям они стали редким поколением интеллигентов, соединявших в относительно сбалансированной форме в одном человеке новые и старые, китайские и современные знания» [Chen Wanxiong, 1997, p. 183].

По мнению Хань Хуа, эта характеристика в полной мере относится к Чэнь Хуаньчжану. Второй подобной фигуры в истории китайской экономической мысли не найти. Всю жизнь ученый выступал за сохранение духовных особенностей китайской нации и искал в классических текстах рецепты решения актуальных проблем, стремясь связать традиционное конфуцианство с реальностью. В то же время он пытался с помощью западного учения объяснять китайскую традицию, добываясь того, чтобы конфуцианство состыковалось с западной наукой [Han Hua, 1999, p. 88].

Среди ученых республиканского периода были исследователи китайской экономической мысли с хорошим западным образованием, получившие традиционное китайское образование в семье и в школе, то есть на уровне значительно более низком, чем Чэнь Хуаньчжан. К примеру, Тан Цинцзэн с уважением относился к китайской традиции, но не был ее яростным защитником. Со второй половины XX в. повторить подобное сочетание двух интеллектуальных традиций на уровне

индивида стало невозможным, поскольку старая система образования окончательно ушла в прошлое. В наши дни попытки соединения китайской традиции с западным знанием предпринимают те, кто воспринял традицию через призму современного китайского образования. Поэтому опыт Чэнь Хуаньчжана можно изучать, но воспроизвести его невозможно.

В период снижения авторитета традиционной культуры в Китае во второй половине XX в. книга Чэнь Хуаньчжана была актуальной прежде всего для зарубежного читателя как лингвистически доступный фундаментальный исследовательский труд с большим количеством цитат из первоисточников. В наши дни важность исследования Чэнь Хуаньчжана для китайских научных кругов по сравнению с прошлым столетием заметно выросла.

Провозглашенный в 2016 г. Си Цзиньпином проект создания «общественных наук с китайской спецификой» уделяет значительное внимание развитию китайской экономической науки и продвижению ее достижений во внешний мир [Xi Jinping..., 2016]. Нормативный акцент на раскрытии связи современных общественных наук с китайской традицией и культурой, на придании им национального «стиля» и «окраски», побуждает китайских исследователей обращаться к истории национальной экономической мысли. В традиционных идеях и концепциях видят ценный интеллектуальный ресурс, использование которого способно дать китайским экономистам преимущество в творческом соперничестве с их западными коллегами.

Современной особенностью экономических исследований в Китае является соединение задач развития официальной «теории социализма с китайской спецификой» для внутреннего потребления с продвижением китайских экономических идей в мировое научное сообщество. «Локализация» китайской экономической науки с опорой на традиционную культуру и специфику практики реформ в КНР сочетается с устремлениями к ее интернационализации. Это побуждает исследовать движение идей не только в направлении с Запада на Восток, но и с Востока на Запад. По мнению китайских исследователей, «сегодня, когда существует настоятельная потребность выхода китайской культуры за пределы страны, ее влияния на мир и утверждения уверенности в культуре», обращение к написанной свыше столетия назад книге Чэнь Хуаньчжана, познакомившей Запад с конфуцианскими экономическими идеями, имеет для современных ученых «богатое историческое и реальное значение» [Qi Jingyu, 2018, p. 235].

В Китае отмечают, что адресованная западному читателю книга Чэнь Хуаньчжана имела целью сохранить китайские традиции и была призвана укрепить национальное самоуважение китайцев [Han Hua, 1999, p. 91; Zou Jinwen, 2016, p. 554]. Официальный лозунг «укрепления уверенности в собственной культуре» требует выводить китайские интеллектуальные достижения во внешний мир, добиваться для Китая «права голоса» в международном научном сообществе в области общественных наук, и в первую очередь экономической науки.

Примечательно, что вклад Чэнь Хуаньчжана теперь оценивают с помощью официальной терминологии, утверждая, что его книга способствовала «выходу вовне» традиционной китайской мысли [Qi Jingyu, 2018, p. 236]. Китайский лидер Си Цзиньпин требует, чтобы «выход вовне» осуществляла китайская экономическая наука. Как и столетие тому назад, для успешного решения этой задачи от китайских

интеллектуалов требуются творческий подход в области межкультурного синтеза и хорошие знания как собственной, так и западной культурной традиции.

Китайские исследователи успешно осваивают западные экономические теории и применяют их к изучению проблем своей страны. Однако пример Чэнь Хуаньчжана становится все более притягательным из-за умения ученого аргументированно и убежденно рассказывать иностранной аудитории об особенностях и достоинствах китайских экономических идей. Запрос на появление интеллектуалов сопоставимого масштаба, способных оказать ощутимое воздействие на западные научные круги, остается неудовлетворенным.

Интерес к Чэнь Хуаньчжану в современном Китае выходит за узкие рамки истории экономических учений Нового времени. Ученого и его книгу воспринимают как достойный подражания образец в области укрепления уверенности китайцев в собственной культуре, повышения их национального самоуважения, равно как и в деле борьбы за обретение Китаем глобальной «дискурсивной власти» в общественных науках. Позитивная оценка наследия Чэнь Хуаньчжана обусловлена ростом внимания к традиционной культуре как источнику современной и будущей специфики китайской экономической мысли.

Благодарность

Статья основана на докладах автора, представленных на конференции «Сравнение историй китайской и европейской экономической мысли с древности до современности» (Бад Хомбург, 20–22 февраля 2019 г.) и на XXIII ежегодной конференции Европейского общества истории экономической мысли (Лилль, 23–25 мая 2019 г.). Автор благодарит коллег, принявших участие в обсуждении докладов. Автор глубоко признателен анонимным рецензентам за ценные рекомендации.

Литература/References

- Anonymous (1912) *The Economic Principles of Confucius and His School*. By Chen Huan-Chang, Ph.D. New York, Columbia University. 2 vols., 745 pp. *The Independent*, New York, vol. LXXII, January 11, no. 3293, p. 99.
- Anonymous (1914) *The Economic Principles of Confucius and His School*. By Chen Huan-Chang, Ph.D. New York, Columbia University, Longman's Green & Co., Agents, 1911. 2 vols, pp. xv., 756. *The Journal of Race Development*, vol. 5, no. 2 (October, 1914), pp. 230–232.
- Bodde D. (1946) Henry A. Wallace and the Ever-Normal Granary. *The Far Eastern Quarterly*, vol. 5, no. 4 (August, 1946), pp. 411–426.
- Builders of the New and Conservers of the Old (1928) *Pacific Affairs*, vol. 1, no. 3, pp. 12–13.
- Chen Huan-chang (1911) *The Economic Principles of Confucius and His School*. 2 vols. New York, Columbia University, Longmans, Green & co., 756 p.
- Chen Huanzhang (2009a) *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Central Compilation & Translation Press. 454 p. (In Chinese)
- Chen Huanzhang (2009b) *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, China Development Press. 423 p. (In Chinese)
- Chen Huanzhang (2009c) The Main Idea of “The Economic Principles of Confucius and His School”. Chen Huanzhang. *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Central Compilation & Translation Press, pp. 442–449. (In Chinese)
- Chen Huanzhang (2010) *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Zhonghua Book Company. 478 p. (In Chinese)
- Chen Huan-Chang (2015a) *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Commercial Press. 758 p.

- Chen Huanzhang (2015b) *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Commercial Press. 605 p. (In Chinese)
- Chen Wanxiong (1997) *The Origins of May Fourth New Culture*. Peking, SDX Joint Publishing Company. 197 p. (In Chinese)
- Di Yuzhong, Lu Shouyun (2009) Translators' Introduction. Chen Huanzhang. *The Economic Principles of Confucius and His School*. Peking, Central Compilation & Translation Press, pp. 1–5. (In Chinese)
- F (1912) Confucius' Economic Principles. *The American Journal of Theology*, vol. 16, no. 4 (October, 1912), pp. 650–652.
- Han Hua (1999) On Chen Huanzhang's Modern Interpretation of the Confucius' Idea of "Administering the Wealth". *Social Science Research*, no. 1, pp. 87–92. (In Chinese)
- Han Hua (2002) Chen Huanzhang and the State Religion Movement in the Early Republic of China. *Modern Chinese History Studies*, no. 3, pp. 189–205. (In Chinese)
- Han Hua (2016) The Classical Book of the Ideas Going Global — "The Economic Principles of Confucius and His School" which Made their Reputation Abroad. *Chinese Social Sciences Today*, October 13. (In Chinese)
- Han Xing (2010) The Compensation of the Deficiencies of Western Economics — the Real Significance of "The Economic Principles of Confucius and His School" by Chen Huanzhang. *Beijing Daily*, October 18. (In Chinese)
- Hu Jichuang (1984) *An Outline of History of Chinese Economic Thought of Modern Time*. Peking: China Social Sciences Press. 486 p. (In Chinese)
- Institute Notes (1929) *Pacific Affairs*, vol. 2, no. 6, pp. 389–394.
- Keynes J.M. (1912) *The Economic Principles of Confucius and his School* by Chen Huan-chang. Columbia University Studies. (New York, Longmans. 1911. 2 vols. Pp. xv+756.) *The Economic Journal*, vol. 22, no. 88 (December, 1912), pp. 584–588.
- Confucian Four Books "Si shu"* (2004). Moscow, Vostochnaya Literatura. 431 p. (In Russian)
- Lao-zi. *Dao de jing* (2010). Moscow, Feora Publ. 704 p. (In Russian)
- Li Chaomin (2001) From Hanlin Academy to Doctorate: Chen Huanzhang's "The Economic Principles of Confucius and his School" and its Influence. *Academic Research*, no. 6, pp. 130–135. (In Chinese)
- Li Chaomin (2014) The Influence of Ancient Chinese Thought of the Ever-Normal Granary of Henry A. Wallace and the Agricultural Adjustment Act in the New Deal. In: Cheng Lin, Terry Peach, Wang Fang (eds.). *The History of Ancient Chinese Economic Thought*. London, Routledge, 2014, pp. 210–224.
- Martynov D. E. (2016) Chen Huan-chang (1880–1933) as the Preacher of Kang Youwei's Ideological Heritage. *Russia — China: History and Culture. Collection of Articles and Reports of Participants of the IX International Scientific-practical Conference. Kazan, October 6–8, 2016*. Kazan, Publishing House "Fzn" of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, pp. 240–248. (In Russian)
- Martynov D. E., Tkachenko A. V. (2016) Confucius, Feudalism, Socialism, Consumption, and Great Unity (Chen Huan-chang's Thesis "The Economic Principles of Confucius and His School"). *Society and State in China. Scientific Notes of the Department of China, Institute of Oriental Studies, RAS*, vol. 21. Moscow, IV RAN Publ., pp. 249–265. (In Russian)
- Perelomov L. S. (1998) *Confucius: "Lun Yu". Research, Translation from Chinese, Comments* Moscow, Izd. firma "Vostochnaya literatura" RAN Publ. 588 p. (In Russian)
- Qi Jingyu (2018) The Analysis of the Influence of Traditional Chinese Thought on Western Economics — Discussion of the Significance and the Place of Chen Huanzhang and his Book "The Economic Principles of Confucius and His School". *The 18th conference of the Society of the History of Chinese Economic Thought. The History of Chinese Economic Thought and the Chinese Path. Conference papers*. Shanghai, Fudan. 2018, October 19–21. Shanghai, Fudan University, pp. 235–243. (In Chinese)
- Ross E. A. (1912) *The Economic Principles of Confucius and his School* by Chen Huan-chang. Columbia University Studies in History, Economics and Public Law, Vols. XLIV, XLV. (New York, Longmans, Green and Company. 1911. Pp. xiii, 756). *The American Economic Review*, vol. 2, no. 4 (December, 1912), pp. 883–884.
- Schumpeter J. A. (2001) *History of Economic Analysis*, vol. 1. St. Petersburg, Economicheskaya shkola. 494 p. (In Russian)
- Sheng Hong (2016) *An Explanation on Confucianism by Economics*. Peking, China Economic Publishing House. 396 p. (In Chinese)
- Shtein V.M. (1959) *"Guan-zi". Study and Translation*. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoy literatury Publ. 380 p. (In Russian)

- Simiand F. (1913) Chen Huan-chang. *The Economic Principles of Confucius and his School*. Studies in History, Economics and Public Law. New-York, Columbia University, Longmans, 2 vol. 756 p. *L'Année sociologique*, 12e Année (1909–1912), pp. 613–614. (In French)
- Smith A. (2007) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow, Eksmo Publ. 960 p. (In Russian)
- Smith A. (1896) *Lectures on Justice, Police, Revenue and Arms*. Oxford, Clarendon Press. 293 p.
- Sorokin P. (2006) *Social & Cultural Dynamics*. Moscow, "Astrel" Publ. 1176 p. (In Russian)
- Tang Qingzeng (2010) *The History of Chinese Economic Thought*. Peking, Commercial Press. 488 p. (In Chinese)
- Tan Min (2014) The Chinese Origin of Physiocratic Economics. In: Cheng Lin, Terry Peach, Wang Fang (eds.). *The History of Ancient Chinese Economic Thought*. London, Routledge, pp. 82–97.
- Weber M. (1964) *The Religion of China. Confucianism and Taoism*. New York, The Macmillan Company. 308 p.
- Wu Baosan (2014) On the Major Fields of Significance of the Study of the History of Ancient Chinese Economic Thought. In: Cheng Lin, Terry Peach, Wang Fang (eds.). *The History of Ancient Chinese Economic Thought*. London, Routledge, pp. 46–65.
- Xi Jinping's Speech at the Symposium on the Work in Philosophy and Social Sciences (17 May 2016) (2016). *People's Daily*, 19 May. (In Chinese)
- Yao Zhongqiu (2016) The Search for the Hundred Years and the Prospects of Confucian Economics. *New Horizons from Tianfu*, no. 3, p. 38–48.
- Ye Tan (2010) "The Economic Principles of Confucius and His School" — The Initial Steps in Going Global of Chinese Economics a Hundred Years Ago. *Chinese Social Sciences Today*, August 26. (In Chinese)
- Yuan Xianneng (Wen Peh Yuen) (2013) The Influence of Taoism and Related Philosophies on Chinese Economic Thought. *Collected Works of Yuan Xianneng*. Vol. 1. Peking, China Commerce and Trade Press, pp. 1–168.
- Zhao Quanmin (2001) Criticism by the New Intelligentsia of the Reform Period of the Views on Consumption, Consisting in "The Elimination of Luxury and the Worship of Thrift". *Academic Forum*, no. 3, pp. 90–93.
- Zou Jinwen (2016) *The Development of Modern Chinese Economics: Doctoral Dissertations by Overseas Chinese Students*. Peking, China Renmin University Press. 746 p. (In Chinese)
- Zou Jinwen (2012) The First Famous Book on Economics Published by the Chinese in the West — "The Economic Principles of Confucius and His School". *Chinese Social Sciences Today*, September 3. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию: 06.09.2019
Статья рекомендована в печать: 01.06.2020

Контактная информация:

Борох Ольга Николаевна — канд. экон. наук; borokh@hotmail.com.

Chen Huanzhang and his role in studying the history of Chinese economic thought in the West at the beginning of the 20th century

O. N. Borokh

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovskii pr., Moscow, 117997, Russian Federation

For citation: Borokh O.N. (2020) Chen Huanzhang and his role in studying the history of Chinese economic thought in the West at the beginning of the 20th century. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 36, iss. 3, pp. 514–540. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2020.307> (In Russian)

The article explores the experience of introducing traditional Chinese economic ideas to Western scholars, using the example of Chen Huanzhang's book "The Economic Principles of Confucius and his School" (1911). Chen Huanzhang was the first Chinese scholar who acted

as an intellectual mediator in disseminating knowledge about Chinese economic thought in the West against the background of predominant efforts at bringing the achievements of Western economics to China. Chen Huanzhang spoke from the standpoint of Confucianism, and a unique combination of classical Chinese and American economic education enabled him to integrate deep knowledge of Chinese tradition with mastering the basics of Western methodology. Using little-known primary sources, the article analyzes the specifics of structure and economic terminology of Chen Huanzhang's work, with priority attention paid to his interpretation of relations between production and consumption based on ancient Chinese classics. It was demonstrated that Chen Huanzhang strived to produce a modernized interpretation of consumption aimed at regulating human desires that was compatible with demands of economic development and the inheritance of traditional moral standards. Evaluation of the impact of the book on Western academic circles is based on the study of reviews published in the early 1910s (the author of one of them being J. M. Keynes). The final section of the article identifies the reasons for the evident growth of interest in the work of Chen Huanzhang in China, where he was forgotten for a long time.

Keywords: China, West, economics, Confucianism, Chinese economic terminology, production, consumption, human desires, economic development, social sciences with Chinese characteristics.

Received: 06.09.2019

Accepted: 01.06.2020

Author's information:

Olga N. Borokh — PhD in Economics, Leading Researcher; borokh@hotmail.com